

НУЖНА ЛИ РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТРОИТЕЛЯМ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ?

Чешев Владислав Васильевич,

доктор философских наук,

профессор кафедры философии

и методологии науки

философского факультета

Национального исследовательского

Томского государственного университета,

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

ORCID: 0000-0003-2536-0806

chwld@rambler.ru

Аннотация

Замысел этой статьи возник при прочтении книги О.А. Донских «Воля к достоинству. Национальный идеал в истории России». Постперестроечная ситуация в России настойчиво ставит вопрос о принципах социальной ответственности, о культурно-исторической самоидентификации, определяющей наше отношение к прошлому и будущему. Предметом обсуждения данной статьи является вопрос о совместимости русской культурной идентичности с капиталистическим строительством в России. В настоящее время отсутствие в сознании общества ясного представления о самом себе порождает состояние подавленности, духовного надлома. Его преодоление требует рефлексии, которая невозможна без обращения к прошлому. В статье обращается внимание на историю становления гражданского самосознания и историю появления интеллектуального слоя в России, претендующего на роль носителя этого самосознания. Главным вопросом этого рассмотрения является фундаментальная ценностная установка русского сознания и формы ее проявления в истории общества. Обсуждается вопрос, какая ментальная установка доминировала в обществе в советский период его истории. Автор полагает, что ментальные основания русского общества плохо совместимы с капиталистической этикой организации общества, в которой превалирует индивидуальный эгоизм. Они в большей степени соответствуют некапиталистической форме развития, предполагающей другие механизмы синтеза общественного и личного интереса. Важную роль в их реализации должно играть обществоведение, отражающее этику солидарного общества.

Ключевые слова: идентичность, ментальность, русская идея, интеллигенция, историсофия.

Библиографическое описание для цитирования:

Чешев В.В. Нужна ли русская идентичность строителям капитализма в России? // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2, т. 1. – С. 112–128. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-112-128.

Замысел этой статьи возник при прочтении книги О.А. Донских [4]. Повеяло предреволюционной атмосферой начала прошлого века, интеллигентской дискуссией давнего прошлого. Действительно, сегодня в интеллектуальном пространстве России много пропагандистско-информационной борьбы, но практически нет серьезных историософских размышлений об основных убеждениях народа или об их необходимости в нынешнем социальном строительстве. Книга О.А. Донских побуждает к разговору о самосознании людей, вольно или невольно участвующих в этом процессе.

Отметим прежде всего, что этническое самосознание и самосознание государственного народа суть не одно и то же. Этногенез и его культурно-исторические особенности формируют некий культурный архетип. Однако высшей формой самоидентификации общества, поглощающей те или иные этнические особенности, оказывается государственное самосознание, т. е. самоидентификация народа, способного к строительству государства. По существу, О.А. Донских обсуждает историю этого самосознания.

1. Подавленная нация

«Подавленная нация... Нация, у которой торгашки стали называть себя “деловыми кругами”, а идеологи и политэкономы социализма – политиками, уверенно ведущими страну по капиталистическому пути. Нация, теряющая мозги и уже не пытающаяся обрести веру... Нация, которая по-настоящему не уважает себя» [4, с. 8].

Сказано резко. Можно спорить о том, насколько справедлива эта мысль, но нельзя не признать, что общественная жизнь сегодняшнего дня вполне дает основание для такого сурового суждения. Поэтому нет нужды спорить о степени его достоверности, гораздо важнее понять, какова причина этого явления. Автор книги обращается к концепции «вызова и ответа» А. Тойнби, утверждая, что самый тяжелый вызов сегодняшнего дня – это вызов надлома самосознания, неопределенность самоидентификации в текущей сложной ситуации. По словам Тойнби, «общество в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем, и каждая из них есть вызов. Иными словами, можно сказать, что функция внешнего фактора заключается в том, чтобы превратить “внутренний творческий импульс” в постоянный стимул, способствующий реализации потенциально возможных творческих вариаций» [9, с. 90].

Действительно, если «разруха начинается в голове», то там же начинается утрата идентичности, ведущая в никуда. Собственно, история этого

процесса и представляет собой самый интригующий сюжет книги, о чем и пойдет в дальнейшем речь. Пока лишь отметим надломленность интеллигенции, которая упорно и успешно участвует в реформаторском эксперименте, ведущем к ее тихому исчезновению. Речь идет о реформе образования, критика которой снизу ведется с самого начала. Эта реформа успешно реализует не предъявленный нам план, а рядовой учитель, доцент, профессор не способны оказывать хотя бы пассивное сопротивление путем создания под формальной оболочкой реформ очагов действительной культурной трансляции, очагов формирования человеческого потенциала будущего, а не болота оказания образовательной услуги. Увы, «университет становится одним из субъектов рыночной экономики со всеми вытекающими отсюда последствиями» [3, с. 130]. Донских заключает: «Это не геноцид. Просто бывший народ мягко растворяется в других народах, а реалии его культуры оседают в музеях. Просто по разным причинам утром просыпается все меньше людей, считающих традиционную русскую культуру своей» [4, с. 14].

Едва ли можно одной фразой определить, что именно надломило общество. Но этот внутренний кризис сознания выражается среди прочего в том, что общество покорно приняло идею строительства капитализма. И если для строительства социализма существовала хотя бы марксистская теория, «освещающая путь», то при нынешнем строительстве ни о какой социальной теории никто из ведущих Россию по новому пути даже и не задумывается. Сам намек на необходимость такой теории вызывает лишь раздражение, представляется как вредная помеха, мешающая возвращению в мировую цивилизацию. Лицо у капитализма, в который мы «возвращаемся», совсем не человеческое, это более чем очевидно. Но и сомневаться в его светлой исторической неизбежности нельзя, ибо тогда теряют смысл действия, совершавшиеся в последние три десятка лет. А верит ли нация в успешное строительство капитализма? Больше похоже на то, что «нация, которая, перестав стоять в очередях, торгует и строит, но не уверена, что будет жить в построенном» [Там же, с. 8]. В общем, подавленная нация, хотя и не утерявшая окончательно память о героических делах прошлого. Поиск причин текущего положения невозможен без обращения к прошлому.

2. Сначала государство, потом население

«Парадокс начала русской истории состоял в том, что государство существовало раньше, чем его заселил тот народ, который ведет непрерывную линию до настоящего времени» [Там же, с. 20] – это утверждение можно принять за некую метафору по той простой причине, что государство не территория, которая вдруг заселяется неким народом. Государство создается народом, или,

во всяком случае, вместе с народом. Не станем дискутировать о роли варягов в создании русского государства. Нас интересует более важный вопрос – о самосознании формировавшегося и развивавшегося русского государства. Принципиально важно, что основанием для его формирования было не то или иное этническое самосознание, оформленное соответствующей этнической группой. Объединяющее сознание, которое можно назвать государственным для того времени, начало формироваться как *надэтническое*. Идея (а не самоназвание) русского народа идет не от отдельного этноса. Она есть идея единого народа, объединяемого властью и территорией проживания, т. е. это идея государственная. В.О. Ключевский в своем «Курсе русской истории» подчеркивает, что первые государственные структуры будущей России возникали не на этнической основе. На их территории могли жить разные этнические группы, причем не только славянские. Объединительным началом были хозяйственная деятельность и торговля. Торговые центры становились одновременно центрами концентрации военной силы. О Киевском княжестве В.О. Ключевский пишет: «Это русское государство еще не было государством русского народа, потому что не существовало самого этого народа: к половине XI в. были готовы только этнографические элементы, из которых потом долгим и трудным процессом выработается русская народность» [7, с. 174]. Государственное самоотождествление шло по территории проживания и ведения хозяйства (О, Русская земле! Уже за шеломянем еси!), а не по этносу, что отражает особенности формирования этого государства.

В некотором историософском смысле можно утверждать, что государство здесь предшествует народу. Можно утрировать эту идею до примитивного представления о вечном деспотизме государства и подавлении им личности. Однако если народ объединяется именно сознанием своей принадлежности к государству, то вполне естественно, что идея государства будет играть для него важнейшую синтезирующую роль, что именно к государству и к государственной власти народ будет апеллировать как к той силе, которая ответственна за его историческую судьбу.

Но идея государства не может быть только политической идеей, т. е. идеей власти. Государство и государственная идея входят в культурно-историческое самосознание народа, придающего государству способность быть историческим субъектом, осуществлять ту историческую миссию, которую указал ему Бог, как полагали философы религиозные, или заданную ему Историей.

В этом пункте начинают расходиться трактовки русского самосознания и русской истории. Какие культурные смыслы могут соединять народ, если этнические признаки не были решающими в период его становления? Ядром таких смыслов могла быть только идея человеческой солидар-

ности, идея единства человеческого рода; по меньшей мере, части человечества, проживающего на русской земле. Она по логике развития должна превращаться в идею общечеловеческую. Неудивительно, что Россия принимает христианство прежде всего как завет моральный, внутренний. Об этом сказал Иларион, назвав православную веру благодатью, даруемую всем языкам, подобно тому как солнце дарит свой свет одинаково всем людям [5, с. 42, 43]. Не будет ошибкой утверждать, что этос всечеловеческой солидарности есть этос спасения жизни. Отношение к жизни как к ценности, одинаково даруемой всем людям, формирует внутренний архетип русской культуры, вырвавшейся в условиях мирного соединения в общественном теле разных этносов.

Политический и культурно-исторический смыслы государственной идеи не живут порознь, но они и не одно и то же. Это две ипостаси, соединяемые историческим контекстом жизни общества. Государство в таком случае должно было мыслиться как община, а общинная (родовая) этика солидарности – как ее внутренний принцип. Разумеется, речь идет не о каком-либо текущем состоянии индивидуального или группового сознания, а о неких системных принципах организации общества, которые являют себя в событиях общественной жизни и которые становятся предметом рефлексии, т. е. того особого вида познания, которым занята прежде всего философия. В рамках общинного (солидаристского) типа культуры европейская просветительская концепция общества как результат договора самодостаточных индивидов неприемлема изначально. Более того, она просто разрушительна для него и должна неизбежно отторгаться, какой бы прогрессивной она ни казалась тем или иным лицам или группам. Отношение к государству в русской истории принимает почти сакральный характер, и это поддерживается родовой этикой солидаризма.

У такого состояния есть свои плюсы и минусы. Позитивная сторона здесь связана с тем, что Россия – северная цивилизация, которой бросают вызов необъятность ее территории, суровость климатических условий и непрерывное давление внешних сил: Степи и Запада. Одной из причин, обуславливающих западное давление, стала культурно-историческая природа русского общества, став вызовом, невольно бросаемым этим обществом цивилизациям Запада.

Отрицательная сторона названного отношения к государству сформировалась еще в период становления Киевской Руси. Сакрализация государства создает условия для обособления власти, отождествляющей себя с государством. Возникает разрыв между правящим сословием и народным телом, который вновь и вновь приводит к жестокому кризису общества, ибо кризис власти всякий раз оказывается кризисом государства, преодоление которого требует восстановления народного единства, до-

стигаемого на основе солидаризма. Реальный ход исторического процесса раз за разом ставил вопрос о соответствии власти «родового» общества этике солидаризма. Отступление власти от этики заботы обо всех и является кризисом, порождающим отрицание государства, не выполняющего свои обязательства. Идея такого обязательства есть некая правда, которую трудно описать рационально, но которая живет в виде глубинного народного чувства.

3. Мифология правды и воли: индивид, свобода, воля

Здесь уместно обращение к вопросу о воле и свободе в мироощущении русской культуры, поставленному в книге О.А. Донских. Свобода в ее европейском понимании есть возможность реализовать себя как независимую личность. Поэтому сегодня любые капризы воспринимаются как права человека (например, набившие оскомину права сексуальных меньшинств). Их называют естественным правом индивида, а его свободу представляют как возможность это право осуществить. Но такое понятие свободы не соответствует генетике русской культуры и русского общества, в котором свобода понималась скорее как возможность реализовать некие высшие жизненные начала, и тогда она получала название воли. Воля – это уход от несправедливой власти и несправедливых обязанностей в социальное пространство, избавляющее от этих оков. Отсюда несовпадение правды и закона в представлениях этого сознания; более того, то, что мыслится как правда, оказывается *выше* закона. Понимание свободы как воли изначально связано с внутренним ощущением того, что человек рождается для чего-то большего, нежели для пересчитывания пенсов и шиллингов. Жизнь как реализация высшего начала – таково мироощущение этой культуры. Можно согласиться с О.А. Донских, что русская культура «изначально мыслила себя исторически» и в этом смысле является мессианской. Эта установка на реализацию высшего начала проявляет себя в различных формах – от сказания о невидимом граде Китеже до идеи «Москва – Третий Рим». Поэтому еще раз согласимся с автором книги: «русская эсхатология, в отличие от католической, делает акцент на спасении и преображении человечества, а не на страшном загробном наказании за грехи» [4, с. 57].

Концепция Третьего Рима соединяет представления о высших началах с государственной идеей. Преодоление удельно-местнического сознания потребовало наделить самодержавное государство высшим смыслом, который, собственно, и оправдывал самодержавие как форму правления. Однако строительство светского государства, начатое Петром I, поставило в повестку дня формирование гражданского самосознания и светской формы самоидентификации, выходящей за конфессиональные границы. Нарас-

тала потребность в самоидентификации, сформулированной рациональным языком философии. Эта задача требовала интеллектуальных усилий и необходимого общественного консенсуса.

4. Рождение русской интеллигенции

«...Вместо работы на государство многие талантливые и искренние люди начинают работать против него и против церкви как его части, и, в результате, формируется та специфическая группа, которая и получает позднее название “интеллигенции”» [4, с. 124].

Трудно сказать, существуют ли универсальные законы истории в том виде, в каком их представляет себе марксизм. Если и существуют, то они должны иметь системный характер и не могут быть сведены к динамике производительных сил. Внутри общества всегда реализуются неочевидные закономерности как проявление логики жизненных смыслов и связанных с ними поступков. Эпоха Петра I положила начало выстраиванию светского государства, в котором вера должна стать делом личной совести индивида, а власть должна опираться на самосознание гражданина. Но гражданин – это не прихожанин конкретного храма, слушающий своего батюшку. Точнее сказать, он не только прихожанин, но еще и индивид, обладающий неким политическим и культурно-историческим самосознанием. Системная сумма сознаний социальных групп и индивидов предстает как общественное мнение, на которое должна опираться власть. В начале XVIII века такому гражданину еще только предстояло появиться. В условиях, когда более 90 % населения аграрной державы составляли крестьяне, большая часть которых находилась в крепостной неволе, социальной группой, в которой начиналось формирование светского гражданского сознания, была образованная часть дворянства. Необходимо было либо создать собственный концептуальный комплекс, отвечающий на вопросы о природе общества и человека, либо заимствовать его «концептуальный каркас» из других культур. Источником смыслов для этого процесса стала философия европейского Просвещения.

Усвоение европейского опыта было исторической неизбежностью, но оно несло в себе не только позитивное начало. Минус был в том, что в фундамент русского сознания начали закладываться понятия, выношенные самосознанием чужой культуры, ее мироощущением, далеким от переживания жизненных смыслов народом той культуры, в которую они теперь вторгались. В Европе принятие «просвещенческих смыслов», адекватных наступлению новой исторической реальности, было отчасти подготовлено в конфессиональной среде. Собственно, даже идея свободного индивида, смысл жизни которого в материальном приумножении (получении прибыли), была подготовлена протестантизмом, появившимся в ну-

три западной церкви. Русская православная церковь, отчасти порабощенная властью, отчасти вступившая с ней в своеобразный симбиоз, оставалась институтом крайне консервативным, не терпящим ни внутренней, ни внешней критики. Поэтому она не могла стать участником новой интеллектуальной работы.

Дворянство, в котором начало зарождаться гражданское самосознание, было обречено на двойственное положение. Исторически его представители претендовали стать носителями гражданского самосознания. Но как социальная группа, живущая за счет труда крепостного крестьянина, они были не готовы к расставанию с крепостным правом. Это обстоятельство противостояло их благодушному стремлению к свободе и просвещению. Мещане, городское население могли принимать в этом процессе практическое, но не интеллектуальное участие.

Однако разрыв между властью и обществом в светском государстве должен быть заполнен носителями гражданского сознания. На этом поле и начинает формироваться социальная группа, не связанная тесно ни с церковью, ни с государственной властью, которая позже была названа интеллигенцией. Формально по принадлежности к табели о рангах тогдашней империи это были в значительной части дворяне, но по роду занятий преимущественно те, кто участвует в выработке и трансляции культурных смыслов: поэты, писатели, композиторы, музыканты, художники, архитекторы, преподаватели, ученые и т. п. Одни из них чувствовали глубинную связь с культурой и историей своего общества, другие видели образцы света и прогресса только на Западе. Негативная оценка этими «другими» русской истории (в духе первого письма П.Я. Чаадаева) обрекала их на отдаление от культурно-исторических начал русского общества, на частичную или полную маргинализацию. К началу XX века явственно обозначилась беспочвенность значительной части русской интеллигенции, ее *кричащего большинства*. И эта интеллигенция была крайне возмущена, когда «Вехи» показали ей ее собственный портрет [2, с. 1–22].

Для разрыва этой части интеллигенции с обществом, с его историей и культурой были свои основания. Они скрыты прежде всего в социальной действительности России, в том числе в отношении власти и ее окружения к интеллектуальным поискам, затрагивающим вопросы гражданского сознания и культурно-исторической идентичности. О.А. Донских справедливо указывает, что «в России диалог не складывался в принципе, потому что правительство любое обсуждение, неважно, конструктивное или негативистское, своей политики принимало как критику и начинало с ним бороться. Часто борьба шла превентивно. Если человек ощущал себя гражданином и пытался вступить в диалог с властью, ему властными методами указывали его место. Когда же правительство ощущало необходимость

поддержки, оно... предлагало диалог» [4, с. 124]. Такой «диалог» был характерен и для СССР, в особенности в поздний брежневский период: он превращался в принуждение к поддержке власти.

Отсутствие каналов для участия интеллектуального слоя в подготовке и принятии принципиальных решений сыграло существенную роль в процессах становления интеллигентского беспочвенничества. Участие в таких решениях потребовало бы ответственного поведения, неучастие оставляло пространство для безответственности, постоянно лелеющей дух «бессмысленного мятежа», точнее, для *подстрекательства* к безответственному бунту вместо разработки социального проекта будущего. Одновременно пристрастная любовь к Западу и отдаление от собственной истории закрепляли мироощущение, выраженное словами преподавателя Московского университета (в начале XIX века) В.С. Печерина: «Так сладостно Отчизну ненавидеть и жадно ждать ее уничтоженья». Как уже сказано, одна из причин такого положения заключалась в заимствовании понятий европейского Просвещения, которое принимало отвлеченный космополитический характер, чему способствовало также влияние масонства. Основной гностический миф, которому так или иначе следует масонство, противостоит христианскому мифу творения. Если христианский миф носит жизнеутверждающий характер и называет мир прекрасным творением Бога, то миф гностический считает этот мир трагическим недоразумением, ошибкой творения, не подлежащей улучшению и исправлению. В последнем случае трагическая судьба человека обусловлена тем, что он, носитель света, оказался заключенным в этом «ошибочном» случайном творении. Тогда освобождение человека и слияние с высшей реальностью (плеромой) может произойти только через устранение ошибки путем разрушения мира.

Не нужно переоценивать воздействие этого темного мистицизма на формирование общественной мысли в России. Но на начальном этапе ее становления он создавал негативный эффект своим тотальным отрицанием действительности, соединенным с критикой политической действительности русского царизма. Во всяком случае, это умонастроение не могло вести к конструктивной работе, что отчасти отражено Л. Толстым в описании идейных поисков Пьера Безухова. В сфере светского сознания этот тип восприятия мира перевоплотился в отрицание социальной действительности России, а место света заняла ухоженная Европа, носительница гуманизма, просвещения, прогресса.

Становление светского сознания не могло совершаться только в рамках негативного отношения к России. Неизбежно должна была возникнуть и сформироваться группа интеллектуалов, ищущих собственное национально-историческое самосознание. Формирование светского национального

самосознания в XIX веке привело к расцвету русской поэзии и литературы; становлению музыкального искусства, включая русскую оперу и балет; формированию собственной исторической науки, начатому В.Н. Татищевым и продолженному Н.М. Карамзиным; развитию отечественной науки, начало которому было положено в XVIII веке Петровской Академией.

Этому напряженному поиску требовался завершающий синтез, который обеспечивает философия. Здесь также появилось немало ярких фигур, оставивших нам интеллектуальное наследие, от которого всё еще отворачивается российское обществоведение. Первыми среди них должны быть названы представители московского философского кружка, которых петербуржцы, объединившиеся вокруг «Современника», называли славянофилами. Эта славянофильская группа, занимавшаяся поиском российской самоидентификации и осмыслением исторической судьбы России, оказалась в особо трудном положении. Ее не принимала власть по причине, о которой шла речь выше; ее не принимал и православный клир, не склонный ни к каким дискуссиям относительно православной веры. Одновременно она оказалась под непримиримым огнем либеральной интеллигенции, душа которой пребывала в Западной Европе, идеальный образ которой никогда не покидал (и не покидает) этих людей. Непонимание обществом идей славянофилов отмечал К.Д. Кавелин в рецензии на сочинения Ю.Ф. Самарина [6, с. 348].

О самоопределении России размышляли и так называемые революционные демократы в лице А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина и др. Большой круг философов искал путь решения принципиального вопроса о будущем России на основе христианского самосознания. Наиболее видным среди них является В.В. Соловьев, в последние годы своей жизни практически отлученный клерикальным и общественным мнением от церкви. Поэтому нельзя считать, что вся интеллигенция была беспочвенной и безгосударственной. Была и другая ее часть, которую общество не услышало не потому, что она молчала. Против нее были и власть, и доминирующее общественное мнение беспочвенничества, не способного к выработке исторического проекта. Для этой преобладающей части интеллигенции борьба с самодержавием стала самоцелью, а неспособность к конструктивной работе явила себя в полной мере протрацией Временного правительства в 1917 г. Можно утверждать, что разрыв власти и народа, элиты и народа проявил себя также и в образе российского либерала, всегда готового обличать, но никогда не обладавшего способностью к позитивной работе.

Так или иначе, гражданское самосознание и русская идентичность оказались на разных полюсах. С одной стороны, беспочвенная и мечтательная гражданственность, принимающая абстрактный и разрушительный ха-

ракти, с другой стороны – национальная идентичность, лишенная гражданской поддержки. Печальный результат этой разногласности в том, что Русский проект будущего не был исторически подготовлен и не был принят обществом, в то время как в глубине общества этот проект уже созревал, явив себя в событиях XX века.

5. Мифология у власти?

«Второй миф – интеллигентский. Его можно сформулировать так: “На основе разума, науки можно построить новое свободное общество: общество без религии, где все люди счастливы и все они братья, и построение этого общества – единственная цель настоящего человека”» [4, с. 169].

Нетрудно видеть из этой цитаты, что названный интеллигентский миф воспроизводит ментальные установки европейского Просвещения. Но я не могу согласиться с утверждением О.А. Донских, что советский период в жизни России есть утверждение этого мифа. Точнее, с этим можно согласиться лишь в той мере, в какой марксизм можно рассматривать как продолжение европейского «мифа Просвещения». Но так ли обстояло дело?

Принципиальной гранью, раскалывающей сегодня наше общество и общественное сознание, является историческая оценка советского периода. В «перестроечное время» обществу было навязано суждение о том, что победа большевиков в Гражданской войне ввергла Россию в трагедию. В контексте наших рассуждений это означало бы, что она привела Россию к окончательной потере самоидентичности. Так ли это? И действительно ли победа Октябрьской революции есть победа интеллигентского мифа?

Сомнение в этом начинается с того, что Октябрьская революция привела к Гражданской войне, в которой народ вольно или невольно принял участие как с винтовкой и шапкой в руках, так и без таковых. В основной своей массе народ представлял собой крестьянскую массу. Эта молчаливая в прошлом масса, игравшая в рассуждениях интеллигентных теоретиков роль столь же молчаливого статиста, вдруг вышла на арену истории. Часть интеллигенции (И. Бунин, например) ужаснулась, увидев свой народ, возможно, впервые. И до сего времени антисоветская критика всё так же полагает народ неким статистом, обманутым, разумеется, большевиками, но никак не А. Керенским или деятелями Белого движения. Нежелание принимать и признавать народную правду, какой бы горькой для интеллигента она ни была, унаследовано «либерально-прогрессивной интеллигенцией» сегодняшнего дня от своей беспочвенной предшественницы. Психологически это понять можно, поскольку интеллигентская «правда» парит над реальностью и при столкновении с ней рассыпается в прах. В представлениях «либералов» народ не имеет права ни на какую *собственную* правду, он может быть хорошим или плохим в зависимости от того, кому он готов поверить.

Однако важнейший исторический факт заключается в том, что в XIX веке проблема культурно-исторической самоидентификации встала в России во весь рост в связи с переходом к индустриальной стадии развития. Общество промышленное по необходимости опирается на светские формы сознания, на светские формы идеологии. Наука приходит на место религии, и это ярчайшим образом обозначила теория и практика европейского Просвещения. В свете этой необходимости нужно видеть «дальний план» русской революции и ментальные процессы, которые ее сопровождали. По сути своей антифеодальная, революция (что подтвердило массовое участие в ней крестьянства) оказалась социалистической по тем целям, которые ставила сила, победившая в Гражданской войне.

Этот совершившийся процесс оказался исторической формой, которую принял в России переход в индустриальную фазу жизни. Европу готовили к промышленной фазе развития Реформация и Просвещение. Но прямой перенос европейского проекта в Россию был невозможен просто потому, что в России не было и нет европейского субъекта. Можно много говорить о мнимой или реальной культурной отсталости России, о деспотизме ее власти и т. п., но из этих разговоров не может родиться проект будущего, опирающийся на собственную культурно-историческую идентичность. Российская интеллигенция не справилась с задачей теоретического и мировоззренческого обоснования проекта будущего. Точнее, общество не справилось с этой задачей, поскольку в нем не нашлось достаточно сильных и сплоченных социальных групп, способных увидеть и поддержать ростки такого проекта. Он должен был опереться на «народное тело», вовлечь его в этот проект, найти ему место в нем, поскольку осуществление проекта так или иначе должно было лечь на плечи народа.

Потому и случилось, что в новую стадию исторической жизни Россию повели те силы, у которых был проект, так или иначе соответствующий исторической задаче. Революция же соединила понятие о социализме (проект победивших сил) с идеей народной правды. Это старался объяснить Н.А. Бердяев, когда писал для западного читателя об истоках и смысле русского коммунизма [1]. Не насилем одним, но идеей общества, стремящегося к реализации давней народной правды, Россия была вовлечена в реализацию своего индустриально-исторического проекта, которая не могла быть бесконфликтной.

Советский индустриальный проект стал для России внутренним вызовом самоидентификации и одновременно вызовом западному миру, опорой которого была этика капитализма. Вызов Западу принял историко-софский характер, поскольку в силу исторических обстоятельств индустриальный проект России оказался вполне соответствующим ее культурному архетипу, довольно далекому от европейского, что и отметил Н.А. Бердяев

ев: «В социально-экономической системе коммунизма есть большая доля правды, которая вполне может быть согласована с христианством, во всяком случае более, чем капиталистическая система, которая есть самая антихристианская» [1, с. 159]. Однако в ментальном плане в этом проекте был глубокий внутренний изъян: он опирался на марксизм, а марксизм – негодная почва для самосознания России.

Указанная слабость была не столь ощутима на начальном этапе, когда в массовом сознании марксизм принял форму некоего псевдорелигиозного учения о вселенском торжестве справедливости. В дальнейшем этот недостаток был частично компенсирован обращением к русской культуре и русской истории, ибо в советской культуре наряду с новыми поэтами, композиторами, писателями утвердились Глинка, Мусоргский, Чайковский, Пушкин, Толстой, Гоголь, Некрасов и т. д. Однако несоответствие марксистской теории новым историческим вызовам, предъявленным «русскому коммунизму», стало критически острым после победы в Великой Отечественной войне. Обществу нужна была теория, способная осмыслить советский индустриальный проект как этап именно русской, а не европейской истории, выдаваемой в марксистской теории за историю всемирную, поскольку общество, не имеющее адекватного самосознания, не может воспроизводить национальную элиту, способную чувствовать и понимать Историю и давать ответы на ее вызовы. Речь идет именно о стратегических ответах, а не о тактических действиях в конкретных ситуациях, складывавшихся в геополитическом противостоянии. На этом смысловом поле, быстро зараставшем догматическим бурьяном, выросло новое «номенклатурное боярство», поставившее собственные удельно-вотчинные интересы выше интересов страны.

Это сознание присуще и большей части новой олигархии России. В современных условиях усилия, направляемые на восстановление прочности государства, не подкреплены культурно-исторической идентификационной базой, способной объединить общество. Ее замещает эклектичное соединение памяти о героических этапах советского атеистического прошлого с памятью о православном сознании феодальной империи. Едва ли этот синтез способен идеологически обосновать реализацию в России проекта вообразяемого «осветленного» капитализма, очищенного от пятен, нанесенных на этот светлый лик (ничего лучшего якобы история не избрала) европейской историей последнего столетия.

6. История не ждет

Необходимость обретения Российским государством новой культурно-исторической идентичности, способной придать единство обществу, очевидна. Эту задачу называют нередко поиском русской национальной идеи,

хотя сочетание слов «национальная русская идея» звучит неким оксюмороном. Национальная русская идея, т. е. то, что «Бог думает о ней в вечности» [8, с. 220], есть идея интернациональная, идея всеединства. В первые годы после Октябрьской революции она и воспринималась как идея всеобщего всемирного братства. Потому и появился в поэме А. Блока «в белом венчике из роз» главный персонаж русской этики. Однако язык марксистской теории неадекватен этой задаче. Нужно обществоведение, способное секулярным языком науки выразить русскую историю, то, что «История задумала о России».

Нет нужды бежать за три моря в поиске основных мысленных конструкций такого обществоведения. Идея русской истории и тем самым нужной ей гуманитарной теории проста, она давно высказана формулой «основание всему начала нравственные». Более того, она уже в немалой степени теоретически обработана В.С. Соловьевым, сказавшим, что общество есть собирательный орган делания Добра. Но эту мысль необходимо теоретически «оправдать» через антропологию и теорию социогенеза, посредством теории, способной показать, что не экономикой единой жив человек, что для поддержания и продления социальной формы культурно-деятельного существования нужны генеральные смыслы, приобретающие статус смыслов высших. Именно эти смыслы фиксируются как основания морали, они участвуют в социальном строительстве, всегда в той или иной форме пронизывая этот процесс, и лишь благодаря этому они способны стать смыслами индивидуальной морали. Интегральная суть нравственного начала, как утверждал В.С. Соловьев, заключается в делании Добра, которое Н.Ф. Федоров называл сохранением и возвращением жизни [10, с. 608]. Точнее сказать, добро есть воспроизводство и продление социальной форм жизни, характерной для человеческих сообществ. Эта форма жизни программируется культурой, а не инстинктами удовлетворения биологических потребностей. Нужна фундаментальная философско-антропологическая основа солидарного общества, способная дать сознанию этого общества необходимый концептуальный язык.

Одним из препятствий к консолидации общества и к необходимому ментальному поиску является отрицание «правды русского коммунизма», на которую указывал Н.А. Бердяев. «Примирение» красных и белых, совершаемое при полном историческом отрицании «красной» истории, есть лишь ментальный реванш «белой правды». В практическом же плане этим вновь воспроизводится давний фундаментальный разрыв между властной элитой и обществом. России нужна своя историческая идентификация, которая естественным образом соединится с некапиталистическим путем развития. Эта некапиталистическая альтернатива определила историческое значение «красного проекта», по этой причине он победил в истре-

бительной войне, но распался от внутренней ментальной неустроенности. Некапиталистический путь не обязан быть возвращением к структурам советского прошлого. Он требует не уничтожения предпринимательства, а иного, нежели при капитализме, согласования индивидуального и общественного интереса, т. е. выстраивания общественных структур, при которых действие в интересах целого приносит личный успех.

Книга О.А. Донских ценна тем, что она обращена к актуальным историко-философским вопросам сегодняшнего дня, актуализирует принципиальные вопросы организации сознания, задачу выработки фундаментальных смыслов, обеспечивающих продолжение нашей истории.

Литература

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1999. – 224 с.
2. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – Репр. воспр. изд. 1909 г. – М.: Новое время: Горизонт, 1990.
3. Диев В.С. Управление университетом в условиях академического капитализма: иерархия или сеть? // Идеи и идеалы. – 2017. – № 1 (31), т. 1. – С. 128–135.
4. Донских О.А. Воля к достоинству. Национальный идеал в истории России. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 208 с.
5. Иларион, митр. киев. Слово о Законе и Благодати. – М.: Столица: Скрипторий, 1994. – 146 с.
6. Кавелин К.Д. Московские славянофилы сороковых годов // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. – М.: Правда, 1989. – С. 336–366.
7. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 1. Курс русской истории. – М.: Мысль, 1987. – 432 с.
8. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. – М.: Правда, 1989. – Т. 2. – С. 219–246.
9. Тойнби А.Дж. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1996. – 608 с.
10. Федоров Н.Ф. Что есть добро? // Федоров Н.Ф. Сочинения. – М.: Мысль, 1982. – С. 607–614.

Статья поступила в редакцию 19.12.2017 г.

Статья прошла рецензирование 24.01.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-112-128

DO CRAFTERS OF CAPITALISM IN RUSSIA NEED RUSSIAN IDENTITY?

Cheshev Vladislav,
Dr. of Sc. (Philosophy),
Professor of Department of Philosophy
and Methodology of Science,
National Research Tomsk State University
36, Lenin ave., Tomsk, 634050, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2536-0806
chwld@rambler.ru

Abstract

The idea for this article originated from the O. A. Donskikh book “The Will to Dignity. The National Ideal in the History of Russia.” After perestroika the social situation in Russia is persistently raising the question of the principles of social construction, cultural and historical self-identification which determines the attitude of society to the past and to the future. The main question discussed by the author of this article relates to the compatibility of traditional Russian mentality with the construction of capitalism in Russia. Nowadays there is no clear idea of the Russian identity. Currently, the society lacks the apparent theoretically designed view of itself and its past, and this situation creates unhappiness and spiritual breakdown. The internal reflection is needed in order to overcome this state of affairs, and this is impossible without critical reference to the history. In the process of gaining self-identity the history of the formation of civil consciousness and the history of emergence of the intellectual layer of the Russian society, pretending for the role of its carrier, are of crucial importance. The continuity of the history of people is based on its cultural type, on the systemic structure of values, reproduced by culture. For this reason, a researcher has to raise the question of the fundamental values of Russian consciousness and the forms of its manifestation at different stages of social development. In particular, it is necessary to discuss the question of which mental attitude has been dominating in the society during the Soviet period of its history. The issue is the relationship between an individual and society, the relationship between solidaristic and egoistically individualistic attitudes in the culture. Social construction and cultural archetypes mutually determine each other, and the author believes that the mental basis of Russian society is poorly compatible with the capitalist ethics of the organization of society, focused on the success of an individual in the sphere of consumption. The traditional communal archetype is more in line with the non-capitalist form of development, which implies its own mechanisms of synthesis of the public and personal interests. Social science, reflecting the ethics of a solidary society, should play an important role in their implementation.

Keywords: identity, mentality, Russian idea, intelligentsia, historiosophy.

Bibliographic description for citation:

Cheshev V. Do crafters of capitalism in Russia need Russian identity? *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 2, vol. 1, pp. 112–128. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-112-128.

References

1. Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 224 p.
2. Berdyaev N.A. *Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda* [Philosophical Verity and Intelligence Truth]. *Vekhi: sbornik statej o russkoj intelligencii* [Collection of articles about the Russian intelligentsia]. Repr. ed. reprod. of 1909. Moscow, Novoe vremya Publ., Gorizont Publ., 1990.
3. Diev V.S. *Upravlenie universitetom v usloviyah akademicheskogo kapitalizma: ierarhiya ili set?* [University management in the conditions of academic capitalism: hierarchy or network?]. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2017, no. 1 (31), vol. 1, pp. 128–135.
4. Donskikh O.A. *Volya k dostoinstvu. Nacional'nyj ideal v istorii Rossii* [The will to Dignity. National Ideal in the history of Russia]. Moscow, Lenand Publ., 2018. 208 p.
5. Ilarion, metropolitan of Kiev. *Slovo o Zakone i Blagodati* [Sermon on the Law and Grace]. Moscow, Stolitsa Publ., Skriptorii Publ., 1994. 146 p.
6. Kavelin K.D. *Moskovskie slavyanofily sorokovyh godov* [Moscow Slavophiles of the Forties]. Kavelin K.D. *Nash umstvennyj stroj* [Our mental system]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 336–366.
7. Klyuchevskii V.O. *Sochineniya*. V 9 t. T. 1. *Kurs russkoi istorii* [Opus. In 9 vol. Vol. 1. Treatise of Russian History]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 432 p.
8. Solov'ev V.S. *Russkaya ideya* [The Russian idea]. Solov'ev V.S. *Sochineniya*. V 2 t. T. 2 [Opus. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 219–246.
9. Toinbi A.Dzh. *Postizhenie istorii* [A study of history]. Moscow, Progress Publ., 1996. 608 p. (In Russian).
10. Fedorov N.F. *Chto est' dobro?* [What is good?]. Fedorov N.F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1982, pp. 607–614.

The article was received on 19.12.2017.

The article was reviewed on 24.01.2018.